

22. Dzidzoev R.M. Pervyj konstitucionnyj dokument Rossii // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 6. S. 110–114.

23. Istorija politicheskich partij Rossii: uchebnik dlja stud. vuzov, obuchajushhij po spec. «Istorija» / N.G. Dumova, N.D. Erofeev, S.V. Tjukavkin [i dr.]; pod red. A.I. Zeveleva. M.: Vyssh. shk., 1994.

24. Kistjakovskij B.A. Gosudarstvennoe pravo (obshhee i russkoe) // Kistjakovskij B.A. Filosofija i sociologija prava / sost., primech., ukaz. V.V. Sapova. SPb.: RHGI, 1999. S. 417–571.

25. Korelin A.P., Stepanov S.A. S.Ju. Vitte – finansist, politik, diplomat. M.: TERRA – Knizhnyj klub, 1998.

26. Lazarevskij N.I. Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. 1. Konstitucionnoe pravo; 2-e izd. Spb.: Tipografija «Slovo», 1910.

27. Leontovich V.V. Istorija liberalizma v Rossii. 1762–1914. M.: Russkij put' – Poligrafresursy, 1995.

28. Nechaev V.M. Manifest 17-go oktjabrja i forma pravlenija // Poljarnaja zvezda. 1906. № 4. S. 291–294.

29. Pazhitnov K. K voprosu o russoj konstitucii // Obrazovanie. 1907. № 12. S. 95–98.

30. Stepanskij A.D. Institucionnaja struktura russkogo liberalizma (XVIII – nachalo XIX v.) // Russkij liberalizm: istoricheskie sud'by i perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 27–29 maja 1998 g. / otv. red. V.V. Shelohaev. M.: ROSSPJeN, 1999. S. 169–184.

31. Tumanova A.S., Bezruchenkov M.V. Idei pravovoj gosudarstvennosti v vozzrenijah B.A. Kistjakovskogo // Istorija gosudarstva i prava. 2014. № 2. S. 33–40.

32. Shul'gin V.V. Gody. Dni. 1920 god. M.: Novosti, 1990.

Manifesto dated October, 17: juridical nature and contents (from the history of the Russian constitutionalism)

There is considered the issue of the manifesto dated October, 17, 1905 in the system of the juridical acts of the monarchic Russia. There is determined its lawmaking power for the constitutional legislation of Russia in the beginning of the XX century.

Key words: *Basic state laws, human rights, constitutionalism, constitution, manifesto, civil liberties, the Emperor, the State Duma.*

(Статья поступила в редакцию 5.06.2015)

С.А. ФЕДИН, Е.Г. ТИМОФЕЕВА
(Астрахань)

СОДЕРЖАНИЕ И ОХРАНА ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОПЫТ МИРОВЫХ ВОЙН (на материалах астраханского региона)*

Продолжается тема военного плена, начатая в предыдущих публикациях. Проводится сравнительный анализ содержания и охраны военнопленных на территории нашей страны, исходя из опыта мировых войн. Исследуется проблема создания оптимального режима содержания военнопленных, создающего условия для изоляции контингента, охраны и обороны объектов и исключающего возможность побега.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Вторая мировая война, охрана, режим содержания, военнопленные, лагерь, лагерное отделение.*

Проблема организации оптимального режима содержания военнопленных, создающего условия для изоляции контингента, охраны и обороны объектов и исключающего возможность побега, являлась одной из основных для руководства лагерей. Она рассматривалась и решалась как на государственном, так и на местном уровне. Режим содержания и охраны регулировался целой серией приказов, инструкций и предписаний. Но в периоды мировых войн вопросы содержания и охраны решались по-разному. Возросла ли эффективность охраны иностранных военнопленных в зависимости от уровня развития национального права и организационной структуры с учетом опыта содержания контингента в ходе предыдущих военных конфликтов?

Мы рассмотрим эту проблему на примере астраханского региона, который был местом ссылки военнопленных как в Первую, так и во Вторую мировую войну.

Уже через месяц после начала Первой мировой войны астраханцы из газет узнали, что первая партия из 411 военнопленных прибыла в город на пароходе. Их разместили в ночлежке 1-го полицейского участка, а пленных

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах астраханского региона)».

офицеров – в крепости в офицерском собрании. На следующий день по железной дороге из Саратова прибыла вторая партия из 200 пленных. Их также расположили в ночлежке 1-го участка города в трех корпусах, по 75–80 чел. в каждом зале, установив нары. Число военнопленных постоянно увеличивалось, поэтому приходилось селить их в помещениях, зачастую не отвечающих требованиям жилища. Зимой 1915 г. число военнопленных, присланных в Астраханскую губернию, перевалило за 2 тыс. человек. Помимо ночлежного дома в 1-м полицейском участке, пленных солдат поместили в казачьих казармах за Красным мостом, на Форпосте, «казарменным способом» в частных домах Куликова, Айтмамбетова, Афанасьева, Косова, Влодаркевича и др. Также их направили для размещения в уезды Астраханской губернии [12, с. 171–172]. Вскоре стало понятно, что свободных и пригодных для «окарауливания» домов недостаточно для столь значительного количества прибывавших в Астрахань военнопленных.

Выход был один – строительство концентрационных лагерей для военнопленных с необходимым количеством утепленных жилых барakov и других, в том числе хозяйственных построек. Строительство такого лагеря в Астрахани, рассчитанного на 3 тыс. человек, началось 13 апреля 1915 г. на территории 3-го полицейского участка в Болдинской степи, недалеко от железнодорожного вокзала (за территорией закрепилось название «лагерь за вокзалом») [Там же, с. 173].

И все же строительство концлагерей не освободило город от постоя пленных, поскольку лагерные бараки оказались сразу же переполненными. По сообщениям властей, губерния могла принять еще более 8 тыс. военнопленных (5112 чел. планировали разместить в Астрахани, 180 – в Красном Яру, 500 – в Черном Яру, 100 – в Цареве, 2 тыс. – в казачьих станицах, 200 – на Алгаринском рыбном промысле). Для удобства организации городских работ в апреле 1916 г. управой было обустроено для 250 военнопленных помещение бывшего пивоваренного завода «Богемия» в 5-м полицейском участке (известное как лагерь «Богемия») [Там же].

В дальнейшем, по мере увеличения количества пленных, появлялись и другие лагеря. Так, в январе 1917 г. для пленных отвели ротные помещения на Болде, а в октябре 1917 г. для нижних чинов построили «барачный» лагерь на 3 тыс. мест.

Офицеры жили в разных районах города: на Эллинге – в домах Буракова, Широко-

ва, здании начального женского училища; на набережной р. Кутум – в доме Алексева; на набережной р. Волги – в доме Михайлова. Например, в январе 1916 г. в доме Буракова разместили 59 офицеров, в основном чехов, в женском училище – 156 пленных разных национальностей из австрийской армии, в доме Широкова – 46 офицеров-немцев [3, л. 6]. Позже офицеров размещали в номерах гостиниц «Волга», «Киев», «Кишинев», зданиях учебных заведений. В апреле 1915 г. в городе находилось 146 офицеров, в начале января 1916 г. – 3950 военнопленных, из них 270 офицеров. В октябре 1917 г. нижних чинов насчитывалось 4315 чел., офицеров – 375 чел., в конце ноября 1917 г. – 2200 и 282 чел. соответственно [12, с. 173]. Из-за частых перемещений число квартировавшихся военнопленных менялось.

Согласно приказу начальника Астраханского гарнизона от 29 марта 1915 г. № 33, «пленные офицеры Австро-венгерской армии, находящиеся на жительстве в городе Астрахани, с 9 часов вечера и до 7 часов утра должны находиться в своих квартирах» [2, л. 74]. Посещение общественных мест и зрелищ воспрещалось. Следующий приказ с еще большими ограничениями издал астраханский полицмейстер 3 апреля 1915 г. Он касался пленных офицеров Австро-венгерской армии, находившихся не только в Астрахани, но и в Черном Яру, Енотаевке, Цареве, и запрещал посещение клубов, театров, кофеен и других «общественных сборищ». Правда, покупка в магазинах «необходимых предметов жизненного обихода» офицерам разрешалась как лично, так и вместе с их денщиками. Вот только санкции за нарушение этого приказа были не предусмотрены: необходимо было «тотчас же сообщить Уездному воинскому начальнику и донести мне (т.е. Астраханскому полицмейстеру. – С.Ф.)» [2, л. 112].

Следуя телеграмме начальника Генерального штаба, расселение военнопленных было проведено таким образом, чтобы «обеспечить полное отделение пленных славян от венгров и австро-германских немцев» и «не допустить впредь их сближения» [Там же, л. 105]. У славян, дружелюбно настроенных к России, был ослаблен режим содержания: им разрешались прогулки по воскресным дням, чтение, пение, для кратковременных бесед к ним допускали соотечественников. Для пленных поляков, чехов и румын доступ в города оказался свободен, а немецким и венгерским офицерам следовало получать каждый раз специальное разрешение. Власти, видимо, опасались непредсказуемости пленных. В дальнейшем (январь 1917 г.) и для немцев были сделаны некото-

рые послабления: им разрешили празднование Рождества Христова и дня рождения императора Вильгельма, а также исполнение германского гимна [4, л. 2 – 3].

Надзор призваны были осуществлять вооруженные десятники и сторожа, «особо нанимаемые в достаточном количестве». Общее руководство охраной возлагалось на чины полиции под наблюдением губернаторов. Так, для надзора за военнопленными по Астраханской губернии учреждены 4 классные должности – полицейские надзиратели, 23 должности нижних чинов полиции – конные городовые или стражники из расчета на каждые 100 военнопленных. Оклад содержания классному чину – 770 руб. в год, нижнему чину – 460 руб. в год. Кроме того, по 22 руб. 50 коп. на вооружение нижнего чина. Берданками последние должны были быть снабжены из запаса [5, л. 3]. В декабре 1914 г. губернатором было разрешено образовать полицейские команды для надзора за военнопленными из расчета один городской на 100 военнопленных и один классный чин полиции на 500 военнопленных [Там же, л. 2].

Пленные солдаты должны были работать. Руководство работами возлагалось на земские учреждения и городское общественное управление. Земства и города ходатайствовали перед военным ведомством о предоставлении военнопленных в их распоряжение, с указанием конкретного количества людей, мест размещения и охраны. Например, из 100 военнопленных, работавших на электростанции, 60 жили на месте постройки. Для их «окарауливания» взяли на службу двух сторожей [12, с. 174]. Работы проводились в разных частях города и за его пределами, что для организации надежной охраны было крайне нежелательно.

Еще сложнее было обеспечить охрану военнопленных при производстве сельскохозяйственных работ. Распределив пленных по хуторам, общий надзор возложили на полицию, которая не могла должным образом его осуществлять, т. к. хутора находились на значительном расстоянии друг от друга. В помощь предлагалось нанять 29 сторожей.

В июле 1915 г. Енотаевская земская управа для уборки хлебов и трав просила 593 военнопленных. Ходатайства поступали как от сельских обществ, так и от отдельных крестьян. Например, 13 крестьян с Тамбовки просили о 25 пленных, 19 крестьян с Княжева – о 41 пленном. Поскольку местность была изрезана реками и протоками, для воспрепятствования побегам наняли 70 пеших сторожей и 14 конных (преимущественно нижних чинов за-

паса или ратников). Винтовкой или револьвером вооружались только конные стражники [12, с. 187].

Следует признать, что надзор за военнопленными и на городских работах был не особенно строгий. На этот факт неоднократно указывал губернатор И.Н. Соколовский. Нижние чины «ходили по городу и в костел – без всякой охраны», что не отвечало правилам. Весной 1917 г. они свободно гуляли, посещали общественные и увеселительные места, что также запрещалось. Например, в октябре 1917 г. неоднократно задерживали военнопленного из австрийской армии А. Венгера за то, что в одной из городских квартир он переодевался и без формы, в «вольной» (гражданской) одежде, гулял ночами по Астрахани [Там же, с. 194]. Задерживали военнопленных, не имевших на рукаве отметки «ВП». В апреле 1917 г. астраханский губернский комиссар указывал на вызывающее поведение военнопленных.

Заведующий делами пленных офицеров в сентябре 1917 г. сообщал в своем рапорте начальнику гарнизона г. Астрахани о том, что гарнизонная служба у лагерей военнопленных «несется преступно».

Значительные различия были в положении пленных офицеров и солдат. Офицеров размещали отдельно от нижних чинов или в специально оборудованных городских зданиях, или в лагерях. Они могли рассчитывать на уважительное отношение и приемлемые условия содержания.

Получить представление о режиме содержания и охране пленного офицера можно, обратившись к донесениям службы наружного наблюдения из архивного фонда Астраханского губернского жандармского управления. Например, по приказу из Петербурга летом 1916 г. за лейтенантом германской армии Гильдебрандтом было организовано наблюдение [3, л. 235, 247–287, 322, 343, 346]. Его поселили в доме Широкова на 5-й Адмиралтейской улице вместе с другими пленными офицерами. Из донесений следовало, что лейтенант ежедневно в сопровождении конвоира (конвоиры ежедневно менялись) ездил на извозчике в Астраханский общественный госпиталь Красного Креста по 1-й Бакалдинской улице на перевязку ноги, где находился в течение часа. Затем на 30 мин заходил к пастору З. Лоппе, который проживал в доме при лютеранской кирхе по Армяно-Петропавловской улице (при этом конвоир оставался во дворе). Кроме того, Гильдебрандт покупал лекарства в аптеках Лооса и Мейстрика, располагавших-

ся на Полицейской улице, стригся и брился в парикмахерской Ладаева, лечил зубы в зубо-врачебном кабинете Ципиной на набережной Канавы. А еще лейтенант обедал в столовой «Эрмитаж» на Знаменской улице, ужинал в ресторане «Салхино», посещал баню «Гигиена», магазин «Граммфон», вместе с другими пленными офицерами совершал прогулки в порту, на Стрелке, пользовался услугами фотографа в «Фотографии Халадина». Фотографировать самим пленным категорически запрещалось, как, впрочем, и общаться с интернированными иностранцами, находившимися под надзором полиции. Однако такие встречи были зафиксированы у кондитерской Шарлау. Лейтенант мог также беспрепятственно перенести от пастора Лоппе аптекарю Лоосу свертки «неизвестного содержания». Как видно, режим содержания немецкого офицера был более чем свободным, а охрана не предотвращала нежелательных контактов и не гарантировала от побега.

Такая охрана не могла препятствовать и общению пленным с местным населением. В апреле 1916 г. в рапорте о проверке караулов у здания женского училища отмечено, что «с галереи соседнего дома неизвестная женщина говорила по-немецки с пленными офицерами». Кроме того, другие женщины из примыкавшего к училищу дома неоднократно замечались караульными «в пересмеивании с пленными офицерами и передаче им каких-то знаков». Аналогичная картина наблюдалась и у дома Буракова [4, л. 9].

Во время революционных событий содержание и охрана военнопленных вообще приобрели формальный характер. Так, в распоряжении Астраханской краевой комиссии о пленным и беженцах Жилищный совет предоставил в августе 1918 г. для военнопленных бараки на Болде, занимаемые ранее солдатами 156-го пехотного полка. Из 35 бараков семь отвели военнопленным. В остальных сооружениях предполагали разместить «венгерскую роту» интернационального полка, беженцев и «железный отряд», прибывавшие из Баку, 3-й Астраханский железнодорожный полк и др. [12, с. 201]. Таким образом, в одном лагере жили беженцы, иностранные военнопленные и бойцы Красной Армии.

Свобода проживания и передвижения из-за слабого надзора со стороны властей приводила к совершению единичных и массовых побегов.

Иное дело содержание и охрана военнопленных в период Второй мировой войны. К этому советское руководство основательно

подготовилось. Рассчитывая на победоносную войну, органы НКВД предприняли попытку организовать 30 приемных пунктов военнопленных. К 22 июля 1941 г. было развернуто 19. Однако события на фронте складывались не так, как планировалось до вторжения врага. В плен попадало очень мало вражеских солдат, и особой необходимости в существующих приемных пунктах и лагерях не было. Уже к августу 1941 г. в подчинении Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) осталось только 3 лагеря, рассчитанные на 8–9 тыс. чел. Поражения Красной Армии летом и осенью 1941 г. не способствовали росту численности военнопленных. С начала войны до 19 ноября 1942 г. в лагерь поступило 19782 военнопленных [1, с. 28–29]. Основной поток последовал после победы в Сталинградской битве. Значительно выросло и число лагерей.

После войны в СССР находилось 1651036 пленным европейцев и около 500 тыс. японцев. Они содержались в 267 лагерях с 2112 лагерными отделениями, в 392 рабочих батальонах и 178 специальных госпиталях, расположенных практически во всех союзных республиках [Там же, с. 25].

Таким образом, в Советском Союзе сложилась гигантская система лагерей для военнопленных и интернированных, захваченных после капитуляции Германии и разгрома Квантунской армии. За годы своего существования система превратилась в хорошо отлаженный механизм.

Астраханский лагерь для военнопленных № 204 был частью этой системы. Он образован приказом НКВД СССР от 8 сентября 1944 г. № 001125 и рассчитан на 2 тыс. чел. В разное время в его состав входило от 7 до 18 лагерных отделений. Численность контингента также менялась. Сразу же после открытия в нем содержалось более 6 тыс. чел., т.е. нормативные показатели были превышены втрое [13, с. 248]. Это обстоятельство не могло не сказаться отрицательно на режиме содержания и охраны.

Самым трудным оказался начальный период. Лагерные отделения не были оборудованы в полном соответствии с нормативными документами НКВД [1, с. 148–335] (некоторые не соответствовали этим требованиям вплоть до ликвидации лагеря).

Наиболее подготовленными в части охраны были лагерные отделения № 1, 5, 6 и 10. Территория была обнесена деревянными заборами высотой в 2,5 м (в отделении № 1 в 1946 г. высота забора была увеличена до 3,4 м), с внутренней и внешней стороны обеспечена преду-

предительными зонами из колючей проволоки, оборудована воротами и контрольно-пропускными будками, для охраны зоны установлены 6 (в 1-м отделении) и 4 (в 5, 6 и 10-м) постовых вышек. Деревянный забор и другое оборудование имело и отделение № 3, но из-за неудовлетворительных санитарно-бытовых условий его вскоре закрыли.

Следующими по степени надежности были зоны с проволочным ограждением. Примером тому может служить лагерное отделение № 9, имевшее забор из колючей проволоки высотой 2,3 м, внутреннюю и внешнюю запретную зоны из колючей проволоки, деревянные ворота и кирпичную контрольно-пропускную будку.

Однако не все объекты имели даже такую систему ограждения. Например, в лазарете был только забор из колючей проволоки, без вышек, без запретной зоны. Ворота также из колючей проволоки, контрольно-пропускной будки не было. А лагерное отделение № 15, где военнопленные были заняты на рыбной ловле, вообще определенной зоны не имело [7, л. 4–6].

Средством сигнализации, как правило, выступал подвешенный кусок рельса (редко – звонок), а связи – телефонные линии: ГТС, коммутаторы предприятий, внутренние линии полевого типа. Не все отделения были обеспечены постоянным электрическим освещением.

Следует отметить, что лагерные отделения дислоцировались не только в черте Астрахани. Например, в сентябре 1945 г. созданы отделения № 9 при Баскунчакских солепромыслах (ст. Баскунчак), № 10 – при Владимирских судоремонтных мастерских (п. Петропавловка), № 13 – при Каспийском рыбокомбинате (с. Лагань), № 15 – при Оранжерейненском рыбокомбинате (п. Первомайский). К лагерным отделениям добавили подсобное хозяйство, где также работали военнопленные [13, с. 248]. Удаленность от управления лагеря при нестабильной связи усложняла обеспечение охраны и режима.

Наружная охрана лагеря и конвоирование при этапировании военнопленных осуществлялись частями конвойных войск НКВД, которые комплектовались офицерскими кадрами из запаса Вооруженных Сил СССР; участниками Великой Отечественной войны, состоявшими на учете в местных районных и городских военкоматах; вольнонаемными гражданами, а также вахтерскими подразделениями. Вольнонаемная охрана нанималась из числа проверенных, физически крепких, идеологически грамотных лиц, предпочтительно про-

шедших службу в частях НКВД и РККА. Сотрудники лагерей, как мобилизованные, так и принятые по вольному найму или по командировкам УНКВД и УПВИ, сохраняли присвоенные им персональные воинские и специальные звания и подчинялись Дисциплинарному уставу Советской Армии [10]. Вместе с тем к охране привлекался и спецконтингент, и рабочие предприятий.

До декабря 1944 г. внешнюю охрану в Астраханском лагере № 204 несли рабочие тех предприятий, на территории которых находились лагерные отделения. Это были в основном инвалиды, неспособные носить оружие и охранять военнопленных. Они допускали контакты пленных с населением, способствовали обмену вещей на продукты питания и т.д. Так, в лагерном отделении № 2 военнопленные покидали производство, «ходили по домам, просили кушать» [6, л. 46]. Конечно, начальника отделения Вартапяна за это сняли с работы, но проблема осталась. Кстати, то обстоятельство, что пленные попрошайничали, вызывало раздражение властей еще в Первую мировую войну. Об этом свидетельствует письмо военного начальника астраханскому полицмейстеру от февраля 1915 г. В нем, в частности, говорится: «За то, что военнопленные нижние чины позволяют себе просить милостыню, я запретил им одиночные отлучки со двора. Посему прошу Вашего распоряжения задерживать всех военнопленных нижних чинов, <...> которые просят милостыню (просят в церквях, на пристанях, на улицах)» [2, л. 53].

С начала декабря 1944 г. охрану лагеря передали подразделениям 3-го батальона 231-го полка конвойных войск НКВД [6, л. 13], затем их сменили части 1-го батальона 408-го полка [7, л. 6].

Вахтерская команда также была укомплектована только в конце декабря за счет прибывших 38 человек из спецконтингента лагеря № 0302. Эти люди уже находились в плену по 2–3 года, и, по выражению начальника управления лагеря старшего лейтенанта госбезопасности Дубровина, «были одеты во фрицевское обмундирование, наружный вид плохой, не дисциплинированы, требуют большой политической работы над ними, все они ограниченно годные и пожилых возрастов, часть из них не пригодна к несению службы по физическим недостаткам» [6, л. 47]. Но другого состава на тот момент не было. Не случайно начальник управления лагеря уже на 1-й квартал 1945 г. поставил задачу пересмотреть состав дежурных офицеров и вахтеров, негодных к несению службы заменить. Тем не менее приход кон-

войных войск и вахтерского состава позволил значительно улучшить положение дел.

Большинство отделений лагеря № 204 обеспечивало охрану силами подразделений конвойных войск НКВД СССР. Состав часовых устанавливался в соответствии с приказами НКВД СССР. Имелись круглосуточные и ночные войсковые посты, парные дозоры, отдельные наряды на блок-посты, отдельные вахтерские посты, в некоторых отделениях имелись служебные собаки. Вместе с тем зона лазарета войсковой охраной не была обеспечена, а охранялась только вахтерами (1 трехсменный круглосуточный пост у проходных ворот и 2 двухсменных ночных). И лагерное отделение № 15 охраняли только 4 вахтера. Но в тех условиях другого варианта быть не могло.

Для конвоирования пленных к месту работы и их охраны там в соответствии с приказом НКВД от 27 июня 1945 г. № 0172 [11, с. 208–216] в лагерных отделениях формировалась вспомогательная команда из числа наиболее сознательных военнопленных. Они оказывали помощь не только в конвоировании и охране, но и в выявлении нарушителей дисциплины и дезорганизаторов производства. С ними проводились соответствующие занятия, хотя, как отмечалось самим руководством лагеря, такие занятия проходили нерегулярно [7, л. 8]. Участие во вспомогательной команде давало пленным некоторые льготы, но не защищало при совершении ими правонарушений. Только в 4-м квартале 1947 г. исключены из списков вспомогательной команды как не внушающие доверия 10 чел. [9, л. 60об].

В целях поддержания дисциплины и предотвращения побегов в помещениях, занятых военнопленными, проводились систематические (не реже одного раза в месяц) и внезапные досмотры. При обысках изымались лишнее обмундирование, самодельные ножи, медикаменты. На виновных в хранении запрещенных предметов налагались дисциплинарные взыскания, а также с ними проводились индивидуальные и групповые беседы.

Для поддержания подразделений охраны в состоянии высокой боевой готовности организовывались регулярные занятия и проверки боевой и политической подготовки конвойных войск. Занятия проводились отдельно для рядового и сержантского состава и офицеров. В программы входила политическая, тактическая, огневая, строевая подготовка, топография, уставы и др. Различия в офицерской и сержантской программах состояли в количестве часов на изучение указанных предметов и дополнительных дисциплинах: военно-

химическое дело, методическая подготовка (для офицеров) и пожарное дело (для рядовых и сержантов).

В лагере № 204 служебно-боевая подготовка проводилась путем организации трехдневных ежемесячных сборов при управлении (личный состав разделялся на две очереди таким образом, чтобы подготовка не влияла на общий ход работы лагеря) и пятидневных проверочных сборов один раз в полугодие. Например, в 1946 г. всего проведено 4 сбора в 1-м полугодии и 5 – во 2-м полугодии [8, л. 88, 125]. Однако, несмотря на то, что организация служебно-боевой подготовки находилась под постоянным контролем ГУПВИ, не всегда этот график соблюдался. Например, во втором полугодии 1947 г. занятия с офицерами вообще не проводились [9, л. 23об, 24, 27, 28].

Подводя итог сравнительного анализа содержания и охраны военнопленных в условиях мировых войн, можно сделать следующие выводы. В Первую мировую войну военнопленные размещались в основном в приспособленных помещениях и частных домах, что значительно снижало надежность режима содержания и охраны, давало возможность, несмотря на запреты, вести свободный образ жизни (особенно офицерам). Позже стали строить концентрационные лагеря для нижних чинов. Военнопленные же Второй мировой войны содержались только в специально подготовленных и оборудованных лагерях, с отлаженной системой охраны (безусловно, сказался опыт содержания заключенных в ГУЛАГе). Неизменным осталось размещение пленных по национальному принципу.

Если в Первую мировую войну охрана пленных осуществлялась силами десятников и сторожей (не всегда вооруженных) под руководством полиции, то военнопленных Второй мировой войны охраняли специальные части – конвойные войска НКВД (МВД) СССР. Однако даже эти части не смогли полностью обеспечить потребности лагерей. К охране привлекался также вольнонаемный, вахтерский состав, спецконтингент и вспомогательные команды.

Таким образом, за период между Первой и Второй мировыми войнами система содержания и охраны военнопленных в нашей стране совершенствовалась в сторону повышения эффективности и надежной изоляции контингента.

Список литературы

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко,

С.Г. Сидорова, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000.

2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 280. Оп. 2. Д. 415.

3. ГААО. Ф. 286. Оп. 4. Д. 944.

4. ГААО. Ф. 290. Оп. 3. Д. 844.

5. ГААО. Ф. 290. Оп. 4. Д. 1429.

6. ГААО. Ф. Р-2609. Оп. 2. Д. 1.

7. ГААО. Ф. Р-2609. Оп. 2. Д. 4.

8. ГААО. Ф. Р-2609. Оп. 2. Д. 7.

9. ГААО. Ф. Р-2609. Оп. 2. Д. 9.

10. Маркдорф Н.М. Проблема охраны иностранных военнопленных в лагерях Западной Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ikz.ru/siberianway> (дата обращения: 20.04.2015).

11. Приказ НКВД СССР от 27.06.1945 г. № 0172 «Об организации вспомогательных команд в лагерях НКВД для военнопленных» // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидорова, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000.

12. Тимофеева Е.Г., Байгушкин А.И., Лебедев С.В., Олейников А.В., Федина К.С. Астрахань в событиях Великой войны: 1914–1918 годы. Астрахань: Изд. дом «Астрахань», 2014.

13. Федина С.А., Тимофеева Е.Г. Тема военного плена в пространстве региональной истории // Известия ВГПУ. 2015. № 3(98). С. 247–251.

* * *

1. Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy / sost. M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorova, T.V. Carevskaja; pod red. M.M. Zagorul'ko. M.: Logos, 2000.

2. Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti (GAАО). F. 280. Op. 2. D. 415.

3. GAАО. F. 286. Op. 4. D. 944.

4. GAАО. F. 290. Op. 3. D. 844.

5. GAАО. F. 290. Op. 4. D. 1429.

6. GAАО. F. R-2609. Op. 2. D. 1.

7. GAАО. F. R-2609. Op. 2. D. 4.

8. GAАО. F. R-2609. Op. 2. D. 7.

9. GAАО. F. R-2609. Op. 2. D. 9.

10. Markdorf N.M. Problema ohrany inostrannyh voennoplennyh v lagerjah Zapadnoj Sibiri [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ikz.ru/siberianway> (data obrashhenija: 20.04.2015).

11. Prikaz NKVD SSSR ot 27.06.1945 g. № 0172 «Ob organizacii vspomogatel'nyh komand v lagerjah NKVD dlja voennoplennyh». // Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy / sost. M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorova, T.V. Carevskaja; pod red. M.M. Zagorul'ko. M.: Logos, 2000.

12. Timofeeva E.G., Bajgushkin A.I., Lebedev S.V., Olejnikov A.V., Fedina K.S. Astrahan' v sobytijah Velikoj vojny: 1914–1918 gody. Astrahan': Izd. dom «Astrahan'», 2014.

13. Fedin S.A., Timofeeva E.G. Tema voennogo plena v prostranstve regional'noj istorii // Izvestija VGPU. 2015. № 3(98). S. 247–251.

Support and guarding of war prisoners: experience of world wars (based on the Astrakhan region materials)

This article continues the theme of the war captivity started in previous publications. There is carried out the comparative analysis of the support and guarding of war prisoners at the territory of our country based on the experience of the world wars. There is researched the issue of organization of the optimal regime of war prisoners support, which creates the conditions for contingent isolation, guarding and defence of objects, and excludes the opportunity to escape.

Key words: the First World War, the Second World War, guarding, support regime, war prisoners, camp, camp department.

(Статья поступила в редакцию 7.08.2015)

Ф. А. ТАКТАШЕВА
(Волгоград)

ОХРАНА ЖЕНСКОГО ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СТАЛИНГРАДА В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА (1943-й – начало 1950-х гг.)

Анализируется нормативно-правовая база по охране труда женщин в СССР, а также ее изменения в связи с военным временем. На примере промышленных предприятий г. Сталинграда показана деятельность профсоюзных организаций в данной сфере; выявлены нарушения законодательства по охране женского труда в 1943-м – начале 1950-х гг.

Ключевые слова: женский труд, охрана труда, восстановление народного хозяйства, промышленность.

С провозглашением всеобщего трудового права женщины постепенно становились активными участницами общественного производства наравне с мужчинами. Однако их труд